

В районе мыса Доброй Надежды орудуют современные пираты. Их судно появляется словно ниоткуда, как призрак, захватывая лайнеры и яхты миллионеров. Атаке предшествует появление «Летучего голландца». Но ведь это не более чем древняя легенда?.. Фотограф Быков и его друг Алекс Брин в компании с тележурналистами прибывают в район мыса Доброй Надежды, чтобы заснять корабль-призрак и разгадать тайну его происхождения. Вот только для пиратов Быков и его команда — как кость в горле. Они начинают охоту на путешественников. И «Летучий голландец» уже мчится по их следам...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5753-5

9 786171 257535

МИХАИЛ ШТОРМ

ВОЗВРАЩЕНИЕ
"ЛЕТУЧЕГО ГОЛЛАНДЦА"

МИХАИЛ ШТОРМ

ВОЗВРАЩЕНИЕ
"ЛЕТУЧЕГО
ГОЛЛАНДЦА"

МИХАИЛ ШТОРМ

МИХАИЛ ШТОРМ

ВОЗВРАЩЕНИЕ
“ЛЕТУЧЕГО
ГОЛЛАНДЦА”

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
Ш92

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Алексей Безруков*

ISBN 978-617-12-5753-5

- © Майдуков С. Г., 2018
- © DepositPhotos.com / agiampiccolo, AlienCat, simto75, обложка, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

ОСТРЫЕ ОЩУЩЕНИЯ

Это был первый визит Быкова в Мексику. Можно было только удивляться, что за пять лет странствий он так и не побывал в этой удивительной стране. Как-никак, огромная, прелюбопытная и таинственная территория со ста миллионами жителей. Хотя расположена в Северной Америке, но вобрала в себя множество традиций Южной, соединив все лучшее и худшее, что есть в Новом и Старом свете. И если сама Мексика по праву входит в первую десятку крупнейших стран мира, то ее столица вообще превосходит все прочие, давая приют двадцати пяти миллионам человек.

Попав в Мехико, Быков почувствовал себя так, словно очутился на другой планете. Это был не город и даже не мегаполис. Это был целый мир, поразительный и незнакомый.

Каждый день приносил сюрприз за сюрпризом, так что голова шла кругом! Быков приготовился мучиться от жары, но мексиканское лето оказалось ничуть не жарче, чем то, к которому он привык у себя дома. Кондиционеров, правда, было маловато. Этим Мексика мало отличалась от родины. Зато все остальное заставляло удивляться на каждом шагу. То тебя угощают конфетами с перцем, то ты видишь, как в продуктовых магазинах кактусы продаются на манер нашей картошки, то едва уворачиваешься от велосипедиста с бурлящим котлом, в котором варится кукуруза, а то заглядываешь в захудалую уличную такеррию, пробуешь треугольный мексиканский пирожок и понимаешь, что не уйдешь отсюда, пока в желудке остается хотя бы сантиметр свободного места.

Собираясь в поездку, Быков не знал, что именно будет фотографировать. Какой-то одной, узкой специализации у него не было. Быков снимал и величественные ландшафты, и городские пейзажи, и экзотических животных, и морских хищников. С тех пор, как он сделал себе имя в ведущих географических изданиях мира, ему не обязательно было согласовывать свои проекты с редакторами и арт-директорами. Его фоторепортажи из разных уголков света шли на ура и сами по себе. Как могло быть иначе с работами человека, принимавшего участие в открытии Атлантиды и разгадавшего тайну Бермудского треугольника? Добившись известности, Дмитрий Быков приобрел нечто более важное, чем деньги. У него появилась свобода. Как творческая, так и личная.

Вот почему, блуждая по исполинскому Мехико, он мог позволить себе не торопиться с выбором тем и кадров. Он просто наслаждался здешней атмосферой, так выгодно отличавшейся от обстановки других столиц, где все нетерпеливы и нетерпимы, суетливы и напряжены, обособлены и неприкаянны. В Мехико люди тоже спешили, как, скажем, в Лондоне или Токио, но спешили они иначе... у них были счастливые лица. Улыбались индейцы, нарядившиеся в шаманов, чтобы зарабатывать себе на хлеб, улыбались продавцы мороженого и бизнесмены в белоснежных рубашках, смуглые детишки и молодящиеся проститутки, крестьяне и сапожники, таксисты и полицейские. И ведь все были поголовно трезвые, так что пьяной эйфорией веселость нрава мексиканцев не объяснялась. Текила продавалась чуть ли не на каждом углу, однако потребляли ее главным образом иностранные туристы и гринго, как называли здесь американцев.

Быков благоразумно ничего крепче пива не пробовал. Выпить как следует он умел и любил, но только не во время путешествий. Находясь в «свободном полете», он не хотел терять остроту ощущений и ясность восприятия.

Чуть ли не каждый день звонила Лиззи Шеннон, и, общаясь с ней, Быков все больше преисполнялся уверенности в том, что дальше помолвки дело у них не пойдет. Она тоже

это понимала. Окончательно все прояснилось утром того дня, когда Быкову предстояло испытать самое сильное потрясение в своей жизни.

В буквальном смысле.

— Знаешь, — сказала Лиззи виновато, — я не уверена, что у нас получится пожениться этим летом. Эдвард еще как-то готов смириться, но Генри неумолим. Давай подождем, пока он хотя бы в колледж поступит, ты не против, Дима?

Речь шла о ее сыновьях, довольно взрослых парнях, которые были не в восторге от связи матери со «славянским ма-чо», как они называли Быкова. Сам он тоже не рвался усыновлять двух британских тинейджеров, потому что понятия не имел, что с ними делать и как их воспитывать. И вообще ему не хотелось переезжать в Лондон.

— Я не против, — сказал Быков. — Послушай, Лиззи, ты вовсе не обязана хранить мне верность и держать данное слово.

— Нет, нет! — поспешно возразила она. — Мы столько пережили вместе, что было бы нечестно...

— Вот именно, — перебил он. — Когда на нашу долю выпали испытания, мы привыкли держаться вместе и решили, что это любовь. А может, я и вправду любил тебя там, на плоту, посреди океана...

— И на корабле, — мечтательно продолжила Лиззи. — Помнишь, как все сияло и переливалось по ночам, когда всплывали эти ужасные пузыри? Если бы не ты, я бы, наверное, просто сошла с ума.

— Я всегда буду рядом, когда понадобится, — пообещал Быков. — Только позови. Но для этого совсем не обязательно быть вместе, пока смерть не разлучит нас и все такое. Понимаешь, о чем я говорю?

— Ты правда не обидишься?

Ее голос дрогнул. Не от сожаления. От радости.

Быков отчетливо представил себе ее, сидящую за три-девять земель. Волосы, как обычно, собраны на макушке, но непослушные пряди все равно свисают вдоль лица. Глаза печальные, указательный палец произвольно трогает

переносицу, не очень удачно сросшуюся после давнишнего перелома.

— Не обижусь, — сказал Быков. — Я тебя люблю.

— Но тогда, значит...

Она замешкалась, подбирая нужные слова. Он воспользовался паузой, чтобы заверить ее:

— Это значит лишь то, что я сказал. Мы не обязаны уstraивать совместную жизнь, менять свои привычки и жертвовать чем-то ради друг друга. Мы взрослые люди. И ни один из нас не улетает на Марс, верно? Так что, если нам захочется сойтись, мы всегда можем сделать это.

Лиззи облегченно засмеялась. Быков тоже почувствовал себя так, будто сбросил непосильный груз. Несмотря на то что английский язык был усвоен им в совершенстве, он весь взмок, пока закончил этот разговор. И решил, что вправе устроить себе небольшой праздник. Взять бутылку хорошего вина, заказать настоящий мексиканский обед и посидеть где-нибудь, обдумывая дальнейшие планы.

Итак, куда податься?

На выручку, как водится, пришел интернет, знающий абсолютно все и готовый помочь любому человеку, который способен отделить нужную информацию от словесной шелухи.

Очень скоро выбор был сделан. В Мехико имелся один из самых больших вращающихся ресторанов в мире. Назывался он «Беллини» и располагался на крыше сорокачетырехэтажного небоскреба. Просидев там час, совершаешь круговой обзор, любуясь видами мексиканской столицы с высоты птичьего полета. Неужели Быкову не найдется места за одним из шестидесяти столов? Разумеется, заказ у него был принят, и ровно в два часа пополудни он уже рассматривал погруженные в дымку горы, окружающие необъятный и удивительный город, построенный в долине, но вместе с тем на два километра возвышающийся над уровнем моря.

В разгар рабочего дня посетителей было немного: две семейные пары, стайка туристов да несколько бизнесменов, решающих деловые вопросы за трапезой, как в компании,

так и поодиночке. Видеть их всех одновременно не позволяла конструкция зала, в центре которого возвышалась нессущая конструкция, похожая на чудовищный гриб, ножка которого представляла собой колонну в сто обхватов, а шляпка служила навесным потолком.

Между столами по округлой галерее бегали два мальчугана лет четырех или пяти, один смуглый, другой белокурый, словно их выбрали специально для съемок ролика о равноправии человеческих рас.

Всякий раз, когда они оглашали ресторан звонкими воплями, кто-нибудь из официантов или посетителей пугался и напускал на лицо фальшивую улыбку, мол, он не имеет ничего против резвящихся малышей. Их матери, сидящие вдалеке друг от друга, не делали своим сыновьям замечаний, но изредка обменивались долгими взглядами, в которых дружелюбия было ничуть не меньше, чем духа соперничества. Обе были симпатичными, и Быков старательно избегал бросать на них слишком долгие взгляды, чтобы не смущать ни самих женщин, ни их спутников.

Делая заказ, он уже имел представление о некоторых блюдах и успел усвоить, что ни одно из них не обходится без главных компонентов мексиканской кухни: кукурузных лепешек тортильяс и острого перца чили. К этому прилагаются мясные фарши, горы фасоли, наслоения сыра и томатные соусы всевозможной густоты. Считая себя если не знатком, то едоком вполне опытным, Быков попросил принести себе халапеньо, который должен был стать главной изюминкой этого сольного банкета.

— Халапеньо? — переспросил официант.

Профессиональная этика не позволяла ему отговаривать клиента или проявлять сомнение. Поэтому он просто сделал вид, что не расслышал. Тем самым бледнолицему туристу давалась возможность отменить заказ и пойти на попятный без ущерба для своего достоинства.

— Да, — подтвердил Быков. — Халапеньо. На хорошо прожаренном стейке. Как же он называется...

— Аррачеро, — подсказал официант, смягчив рычащее слово полуулыбкой. — Итак, господин желает прожаренный аррачеро с...

Он поднял брови, предлагая Быкову закончить самому.

— Халапеньо, — сказал тот и не удержался от маленькой мести, пояснив с самым невинным выражением лица: — Это такой перец зеленый. — Он показал пальцами. — Говорят, очень острый.

— Да, — согласился официант, опуская глаза. — Но не самый острый.

— Есть острее?

— Например, серрано. А король всех перцев — хабанеро.

— Хабанеро, — с удовольствием повторил Быков. — Вот что, дружок, неси мне его, а не халапеньо. И, конечно, чего-нибудь запить. — Он подмигнул, давая понять, что кое-что понимает в острых приправах. — Бутылку воды без газа и красного вина...

— «Мерло»? — произнес официант, как бы размышляя вслух.

— Нет, что-то местное, — решил Быков. — Если уж наслаждаться мексиканской кухней, то по полной программе, не так ли?

— Си, сеньор. Я принесу «Кариньян», если желаете.

Быков изъявил такое желание и остался ждать, поглядывая сквозь панорамное окно на Мехико. Его левая рука была вольготно переброшена через спинку стула, а правая бесцельно листала сенсорные страницы мобильного. Почувствовав на себе взгляд одной из мамаш, он машинально распрямил спину и подобрал живот. За минувший год он сбросил вес до девяноста килограмм, но при его росте это было многовато. Будь Быков на полголовы выше, он со своими усами мог бы сыграть роль Портоса в очередной экранизации бессмертной мушкетерской саги. Волосы его, правда, с каждым годом утрачивали былую пышность, так что приходилось стричь их все короче и короче, отказываясь от романтического облика. Зато одевался Быков по-прежнему

непринужденно и свободно, показывая тем самым, что в его положении совсем не обязательно рядиться в пиджаки, галстуки и скучные однотонные рубашки.

Не переставая поглядывать на дисплей, Быков покосился на мать маленького мальчугана и с некоторым огорчением понял, что взгляд ее направлен не на него, а дальше. Он повернул голову и увидел, что через стол от него сидит сухощавый и явно невысокий мужчина с очень прямой осанкой. Каменное выражение обветренного лица и прямой нос, отходящий прямо от лба, придавали ему сходство с каким-нибудь древним идолом инков или майя. Но дело было не в его внешности, а в том, что он приготовился съесть то же самое блюдо, которое заказал Быков, только раньше. Оставалось лишь проглотить слюну при виде того, как незнакомец надкусил аппетитно прожаренную перчинку, разжевал и отправил в рот кусок мяса. В облике его при этом ничего не изменилось, и Быков убедился, что не так страшен черт, как его малюют — то есть не так горек мексиканский перец, как о том пишут.

Когда официант принес ему слегка поджаренный зеленый стручок на стейке, Быков предусмотрительно наполнил бокал и откусил. Дальнейшее было настоящей катастрофой. Дыхание прекратилось. По гортани и пищеводу разлился обжигающий огонь. Окружающий мир пропал, сузившись до ощущения пламенного комка в гортле.

— Кха! Кха!

Собственный кашель долетал до Быкова словно издалека. Схватив бокал, он влил вино внутрь себя, но не погасил пожар, а лишь раззадорил его. Действуя пальцами почти на ощупь, Быков сорвал колпачок с бутылки и стал жадно пить воду. Ему не было дела до того, что все присутствовавшие в зале официанты наблюдали за ним украдкой и посмеивались над глупым европейцем, вздумавшим мериться с ними выносливостью вкусовых рецепторов. Он не обращал внимания на перешептывающихся мальчиков, указывающих на него пальцами. Он хотел только одного: чтобы огонь внутри погас.

— Кха! Кха!

Быкову почудилось, что от его натужного кашля ресторан покачнулся. Он потянулся за вином, чтобы налить себе еще, но бутылка медленно поползла от его пальцев. Это никуда не годилось! Вода у Быкова закончилась, а позвать официанта он не мог по причине паралича голосовых связок. Он вытянул руку сильнее и вновь поймал пустоту. Бутылка упала со стола, не разбилась и покатилась по подпрыгивающему полу, расплескивая содержимое. Все затряслось, завибрировало, задергалось. С некоторым изумлением Быков обнаружил, что не может подняться со стула — настолько сильна качка.

Повсюду нарастал общий крик растерянности и страха. Схватившийся за стол Быков заскользил вместе с этим самым столом в сторону окна. «Вот так перчик!» — пронеслось в его мозгу.

Мысль была нелепой и уморительной в своей абсурдности, но Быкову было не до смеха. Он уже понял, что в Мехико началось землетрясение, и, находясь на высоте двухсот метров, ему суждено узнать об этом явлении гораздо больше, чем того хотелось бы.

ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

К счастью посетителей «Беллини», оконные панели были изготовлены из сверхпрочного стекла, с честью выдержавшего удары столов и прочих предметов мебели. Однако главная опасность заключалась не в риске вывалиться наружу. Крен пола свидетельствовал о наклоне всей вращающейся конструкции ресторана. Оказалось достаточно нескольких толчков, чтобы башня потеряла равновесие. Что-то там внутри лопнуло, что-то треснуло или вышло из пазов. В результате Быков доехал вместе со столом до окна, где они ткнулись в раму.

Жжение от перца во рту пропало, сменившись совершенно новыми ощущениями. Поднявшись на ноги, Быков услышал, как за его спиной падают стулья и бьется посуда. Первым инстинктивным желанием было убраться от стеклянной стены как можно скорее и дальше, но на глаза Быкову попались мальчики, барахтающиеся среди нагромождения столов и стульев. Черненко прижало к окну, а беленький истошно визжал рядом то ли от страха, то ли от боли.

— Сейчас! — крикнул Быков, решительно направляясь к ним. — Потерпите!

Зал походил на космическую станцию, потерпевшую крушение.

Повсюду вопили, стонали и звали на помощь люди, только что мирно обедавшие и болтавшие о всяких пустяках. Матери мальчиков еще не вполне опомнились и были способны лишь на то, чтобы пронзительно верещать. Получалось громко, но бестолково.

Подбираясь к плачущему мальчику, Быков с некоторым удивлением заметил рядом с собой того самого мужчину, который был способен поедать хабанеро с невозмутимым видом истукана с острова Пасхи.

— Как тебя зовут? — спросил он у мальчонки. — Лео? Отлично, Лео. Я Алекс. Ты только не дергайся, чтобы...

Если Алекс и намеревался дать малышу какой-то ценный совет, то не успел. Ресторан снова трянуло — гораздо сильнее, чем во время всех предыдущих толчков вместе взятых. Раздался страшный грохот. Умудрившись испытать ужас и одновременно полнейшее равнодушие, Быков увидел, как людей швыряет на окна. Было такое впечатление, будто, разогнавшись, они прыгают туда специально.

В одном месте стекло лопнуло от удара блестящего шкафа из нержавеющей стали. Как нарочно, за ним последовал официант, не догадавшийся бросить свой бесполезный поднос. Издав нечто вроде боевого клича, он врезался в окно и вывалился в него в окружении стеклянных обломков. Мать смуглого мальчика, через которую он перепрыгнул, пыталась ползти на четвереньках, но пол был накренен так сильно, что передвигаться по нему было затруднительно даже для таких решительных и сильных мужчин, как Быков и Алекс.

Подбадривая себя, женщина ругалась на чем свет стоит, но через несколько секунд стало понятно, что бедняжка просто зовет своего сынишку.

— Присядь, Хулио, — сказал Быков, оказавшись рядом. — Я отодвину стол а ты пролезешь под ним, понял? Потом хватайся за меня. Мы выберемся отсюда, не бойся.

Как бы вопреки его утверждению, все здание заходило ходуном. Казалось, его трясет и раскачивает свирепый великан. По залу быстро, как пули, полетели детали гарнитуры, стены трескались и осыпались, пуская облака пыли, человеческие фигуры кувыркались, образуя клубки и распадаясь. Какой-то мужчина помогал матери Лео, распротертой на оконной раме. Потом туда обрушился круглый потолок, и они пропали из виду.

Испытывая бессильный ужас, Быков увидел, как зигзаги трещин расходятся по стеклу, к которому прижат спиной мальчик. Отбросив стол, словно картонный коробок, он успел схватить Хулио за футболку за секунду до того, как стеклянная плита провалилась. Быков упал на металлический переплет, больно ударившись грудью.

— Спокойно, Хулио, спокойно, — приговаривал он, как будто ребенок или даже взрослый мужчина были способны сохранять хладнокровие в этом хаосе.

Ресторан был наклонен под углом не менее шестидесяти градусов, успев растерять половину своих посетителей. Быков, переломившись пополам, лежал животом на балке, со всеми ее острыми гранями, и держал повисшего в воздухе ребенка. Одна рука сгребла футболку, вторая обхватила пояс джинсов. Если бы не Быков, Хулио давно бы унесся вниз, где его ожидали асфальт, бетон и автомобили. Высота была такая, что падать пришлось бы долго, очень долго. Если повезет, то сердце остановится еще в полете, а если нет, то каким он будет — смертельный удар об землю?

Глаза мальчика заполняли собой все лицо, которое больше не выглядело смуглым.

— Ты понимаешь английский? — спросил Быков.

Мимо них с воплем пролетел мужчина с какой-то переключкой, за которую надеялся удержаться.

— Ноу инглиш, — пискнул мальчик.

— Ничего, Хулио, — сказал, вернее, пропыхтел Быков. — Сейчас я тебя подниму к себе. Потом придут спасатели и вытащат нас. Понимаешь?

— Си, — ответил мальчик, слушавший не обращенную к нему речь, а интонацию.

Но не только он услышал Быкова. Был еще кто-то, кому не хотелось, чтобы они выжили.

Накрененная башня, здание и весь город подпрыгнули три или четыре раза подряд. В пыли и дыму внизу звучали сирены, гудки, рев, грохот и крики. А где-то неподалеку тараторил невидимый диктор из телевизора или радиоприемника.

— Нам сообщают о значительных разрушениях, пожарах и человеческих жертвах. По данным Геологической службы США, мощность землетрясения близка к восьми магнитудам, эпицентр находится к северо-востоку от города Пинотепа на глубине примерно двадцати миль...

Отстраненно слушая эту галиматью, никак не связанную с реальностью, Быков подтянул мальчика и помог ему вскарабкаться на их ненадежный насест. За время последних толчков цилиндр ресторана частично вернулся в исходное положение, так что крен значительно уменьшился. Это облегчало Быкову задачу.

— Ползи, Хулио! — приговаривал он. — Вперед, мой мальчик! Не бойся, я с тобой.

Не ограничиваясь подбадриваниями, Быков подталкивал мальчугана в направлении оконного проема и в то же время придерживал его ладонью, положенной на спину. Балка, за которую они цеплялись, была достаточно широка, чтобы Хулио умещался на ней почти целиком. Что касается Быкова, то он чувствовал себя жуком, ползущим по сухому стебельку. Одного неверного движения было достаточно, чтобы сорваться в бездну.

— Спокойно, — раздался голос впереди. — Без резких движений.

Подняв взгляд, Быков увидел мужчину, назвавшего себя Алексом. Бесстрашно покинув твердую поверхность, тот оседлал балку и протянул руку, ловя мальчика за шкирку.

— Это ты зря, — просипел Быков, ощутивший, как качнулась конструкция под их общей тяжестью.

Как и Алекс, он говорил по-русски. Опора медленно, но уверенно клонилась вниз, издавая натужный скрежет и скрип. Как ни цеплялся Быков ногами и свободной рукой, он уже начинал соскальзывать в сторону бездны.

— Отпусти пацана, — приказал Алекс. — Держись обеими руками.

— Но...

— Я за него отвечаю. Ситуация под контролем.

Подземные толчки не повторялись, тем не менее башню опять повело на разболтанном основании. То и дело раздавались резкие звуки, как если бы рядом лопались гигантские струны. Мать Хулио, перегнувшись через ограждение, тоненько лопотала что-то по своему, то заламывая руки, то протягивая их к сынишке. Он не плакал и не скулил. То ли был очень храбрым мальчиком, то ли, наоборот, его парализовало от страха.

— Я сколькожу, — предупредил Быков, отдаляясь сантиметр за сантиметром от Алекса.

— Только не быстро, — распорядился тот. — Притормаживай.

Быков хотел сказать, что думает по поводу его вмешательства, но не издал ни звука, потрясенный увиденным.

Алекс, собрав всю футболку в пятерне, неожиданно оторвал мальчика от спасительной опоры и перебросил через себя, туда, откуда уже тянулось сразу несколько пар рук. Для этого ему пришлось упасть на спину, удерживаясь на балке только с помощью ног. Хулио благополучно перенесся в разгромленное помещение, зато сам Алекс поехал вниз, грозя врезаться в Быкова, который и без того висел уже на самом конце. Поистине обезьянья ловкость позволила ему извернуться и лечь на балку грудью, демонстрируя Быкову прореху на штанах, разошедшихся по швам в промежности.

— Ты еще там? — спросил он.

— Пока да, — откликнулся Быков и, оценив свои возможности, уточнил: — Пятьдесят на пятьдесят.

Он уже не сидел на раме и не лежал на ней, а висел, ухватившись за какие-то металлические выступы. Это не могло продлиться долго, о чем он честно и сообщил Алексу. Больше всего его добивали сочувствующие и испуганные взгляды уцелевшей публики, обращенные на него сверху. Быкову хотелось крикнуть, чтобы зрители перестали пялиться на него, как на какого-то каскадера, но все его силы сосредоточились в пальцах и кистях рук. «Эх, если бы не лишний вес», — обреченно подумал он. Глупая, совершенно

никчемная мыслишка. Теперь ничего не имело значения: ни вес, ни диеты, ни степень горечи мексиканского перца. Все близилось к концу: жизнь, надежды, воспоминания, сожаления.

— Сейчас ты схватишься за мою ногу, — произнес Алекс, голос которого звучал напряженно и глухо, но совершенно спокойно и даже невыразительно. — Я опущусь ниже, а ты схватишься. Я сильный. Выберемся помаленьку.

— Чем схвачусь? — прокряхтел Быков. — Зубами?

— Тоже неплохо, — сказал Алекс. — Чем получится. Главное, держись.

Было немного странно, что они слышат друг друга в том адском шуме, который раздавался со всех сторон, по мере того, как паника не спадала, а усиливалась. Вероятно, причиной тому была сосредоточенность мужчин на словах и действиях друг друга. Их жизни висели на волоске, и весь окружающий мир словно прекратил существование.

Быков увидел узорчатую подошву кроссовки, почти уткнувшуюся ему в лицо. Можно было разглядеть каждый застрявший в ней камешек, каждое пятнышко, каждую трещинку. Балка с отвратительным хрустом выгнулась и повисла почти вертикально. Пальцы Быкова дрожали от напряжения.

— Лезь наверх сам, — простонал он.

— Хватайся, придурок!

— Нет!

Было глупо падать вдвоем, когда это не оставляло шансов на спасение ни одному, ни другому.

— Ладно. Тогда я сам тебя схвачу.

С этими словами Алекс принялся проделывать поистине головокружительный трюк, разворачиваясь на балке вниз головой. Быков понял, что если сам он немедленно не разожмет пальцы, то настырный упрямец таки вцепится в него и последует за ним. Слишком большая разница в весовых категориях!

— Не дури, — попросил он. — А то ведь прыгну!

— Тогда вместе, — согласился Алекс, ухватив Быкова за шкирку.

Это была не пустая угроза. Быков понял, что если он отпустит балку, то это не заставит Алекса отпустить его самого. Такие держатся до последнего.

— Глупо, — пробормотал он. — Как глупо!

— Погибать всегда глупо, — отозвался Алекс. — Так что давай жить. Полезли наверх потихоньку.

С удивлением Быков обнаружил, что дополнительная поддержка настолько уменьшила нагрузку на руки, что он все еще висит и даже способен слегка подтягиваться, находя зазоры для ослабевших пальцев. Туловище и ноги, болтающиеся в пустоте, тянули вниз, но желание жить пересиливало. Быков не заметил, как поднялся примерно на полметра и, переплетя ноги вокруг конструкции, почувствовал себя еще увереннее.

И тут, как часто бывает, когда собираешься перевести дух с облегчением, случилось непредвиденное. Загудел какой-то двигатель и, перескочив на регистр выше, сделался похожим на вой. Раздался громогласный скрежет, и Быков почувствовал, что балка стронулась с места и поползла по кругу, раскачиваясь все сильнее.

Каким-то чудом механизм вращения башни уцелел и заработал вновь. Скорее всего, двигатель выключился во время перепада напряжения, а теперь ожил вновь. А может быть, это был результат чьей-то инициативы. Кто-то нажал на кнопку, и все сантиметры, отвоеванные Быковым, были утрачены. Его ноги опять повисли в воздухе, но хуже всего, что движение балки застало врасплох Алекса. Он кувыркнулся через себя и в буквальном смысле сел на голову Быкову.

После этого счет их жизням пошел уже не на минуты, а на секунды. Мышцы Быкова больше не справлялись с задачей. Нагрузка оказалась слишком велика для них. Алекс сумел подтянуться и приподняться, но тотчас соскользнул обратно, едва не свернув шею Быкову.

Некоторое время пальцы продолжали держаться, несмотря на готовые порваться сухожилия и содранную до живого мяса кожу. Вращение не прекращалось, повисшая балка раскачивалась все сильнее, словно стремясь стряхнуть с себя лишнюю нагрузку. Напоследок Быков чуть не выкрикнул ругательство, но подумал, что перед смертью, наверное, уместнее проявить благочестие, и сдержался. Его ладони бессильно скользнули по гладким граням. Закрыв глаза, он полетел вниз.

Никаких предсмертных видений не было. Ничего похожего на кадры прошедшей жизни, сматывающейся обратно. Просто полет и — почти сразу — толчок при падении.

Смерть оказалась легкой и почти безболезненной, если не считать ушибленных ступней. Ожидая увидеть извечный свет, вход в тоннель или собственный труп, распростертый на земле, Быков слегка раздвинул веки. Кто это шевелится рядом? Силуэт вполне человеческий, без крыльев и рогов.

— Ни хрена себе, — произнес он.

Быков раскрыл глаза шире и увидел Алекса. Они находились на обширной площадке, покрытой чем-то шершавым и черным. Над ними, отчаянно скрипя, вращалась башня, отбрасывая на мужчин скользящую тень.

— Побежали отсюда, — предложил Алекс. — Если свалится, раздавит как букашек.

Быков подобрал ноги, согнул их в коленях и с удивлением удостоверился в том, что может передвигаться. Под ногами была крыша торгового центра, на которую и опиралась башня ресторана. Прежде этот изрядно покореженный цилиндр был увенчан телевизионной антенной, которая давно слетела. Продолжая свое судорожное вращение, башня накренилась все сильнее и сильнее, пока не обрушилась вниз. Здание несколько раз вздрогнуло от касаний махины, потом снизу донеслось что-то очень похожее на взрыв авиабомбы, и все кончилось. Еще выли сирены и гремели поднятые по тревоге вертолеты, еще кричали в предсмертной агонии

люди, оставшиеся под завалами, но для Быкова и Алекса наступила передышка.

Оба знали, что, собравшись с силами, они примут сильное участие в спасательных работах, но сейчас у них выдалось несколько минут передышки, и оба наслаждались покоем.

— Не понимаю, — пробормотал Быков, полулежа с бесильно раскинутыми ногами и опираясь на локти.

— Все просто, — пожал плечами Алекс, сидящий в такой позе, будто собирался заняться йогой. — Мы думали, что висим над пропастью, но башня прокрутилась и сбросила нас на крышу.

— Я не об этом, — поморщился Быков. — Я не понимаю, как ты догадался, откуда я родом.

— Кто еще из приезжих, скажи на милость, станет экспериментировать с мексиканским перцем?

Они устало засмеялись.

— Алекс — это Алексей? — спросил Быков.

— Александр. Александр Брин. Инструктор по выживанию в экстремальных условиях.

— Дима. Дмитрий Быков, фотограф.

Оба одновременно взглянули на свои окровавленные ладони и решили обойтись без рукопожатия.

— Я тут на днях в небольшую экспедицию отправляюсь, — сообщил Алекс, глядя на далекие горные гряды. — Хочешь со мной? Там будет что снимать.

— Где? — поинтересовался Быков.

— В Долине Смерти.

— Это на стыке Калифорнии и Невады? Самая жаркая пустыня мира?

— Я вижу, ты в теме, — одобрительно кивнул Алекс.

— Июль начался, — напомнил Быков. — Если мне не изменяет память, то скоро там настоящая жара начнется. Сколько градусов?

— Обычным градусником не замеришь, Дима. Нужно будет пройти сто тридцать пять километров за шесть дней.

— Почему именно за шесть?

— Предел для выживания в Долине Смерти.

— Считаю, что я в твоей команде, — сказал Быков и стал подниматься, чувствуя себя разрушенным Терминатором. — А сейчас пойду погляжу, чем можно помочь людям.

— Считаю, что я в твоей команде, — повторил за ним Алекс, и они опять засмеялись.

Не оттого, что им было весело. Только так они могли выразить то, что испытывали сейчас по отношению друг к другу.

ПЕКЛО, ОЛЛ ИНКЛЮЗИВ

Вышли двадцать девятого июля, в разгар жаркого сезона, продолжающегося обычно до первых чисел августа. Задержка была вызвана не организационными вопросами. Алекс Брин давно разработал маршрут и продумал мельчайшие детали экипировки. Они могли бы отправиться в путь на пару недель раньше, однако это было бы не то.

— Если уж гулять по Долине Смерти, то в самую жару, — рассудил Алекс. — Иначе какой смысл?

— Мы там что-нибудь ищем? — деловито поинтересовался Быков.

— Конечно. Бесцельных путешествий и походов не бывает, Дима.

— И что это будет в нашем случае?

— В нашем случае это будем мы, — пояснил Алекс. — Полезно время от времени испытывать себя. Поглядим, чего мы стоим, а ты заодно фотографий редких нащелкаешь. Прямая выгода во всех отношениях.

Он был непростым человеком, этот Александр Брин. Все свободное от тренировок и работы время проводил в медитациях и чтении заумных текстов на санскрите. Никогда и ничего не рассказывал о себе, утверждая, что биография ничего не стоит, а важен лишь сам человек, каким он является здесь и сейчас. Быков не видел его болтающим по телефону с друзьями или подругами. Если Алекс брал телефон, то говорил всегда коротко и по делу. Про свою семью ничего не рассказывал и, похоже, был убежденным холостяком. Одним словом, этот человек предпочитал никого не подпускать

к своей душе, ограничиваясь чисто внешним общением. Но Быкова это устраивало, поскольку он и сам являлся интровертом. А еще Алекс его, по правде говоря, заинтриговал, и ему хотелось получше узнать человека, столь бесстрашно и безрассудно бросившегося ему на помощь.

— Я бы тоже хотел тебе помочь, — сказал Быков, когда они прибыли в Соединенные Штаты и готовились к поездке в Калифорнию. — Будет справедливо, если я возьму половину расходов на себя. Ну и экипируюсь я за собственный счет, разумеется.

— Согласен, — кивнул Алекс, лишенный ложной скромности. — Признаться, мне пришлось порядочно потратиться на всякие формальности. Согласование с властями национального парка, приобретение туристической лицензии, аренда джипа, поставка воды...

— Погоди, — удивился Быков. — Мы что, берем с собой какую-то особую воду? Обычная не годится?

Новый друг смерил его долгим взглядом и покачал головой:

— Я вижу, ты до конца не понял, во что ввязался, Дима. Рекордная температура в долине — 57 градусов по старине Цельсию. Это значит, что на солнце там зашкаливает под девяносто. Чтобы кровь не свернулась, нужно пить постоянно и очень много.

— Сколько?

— На себе мы смогли бы нести дневную норму, — ответил Алекс. — А что потом? Водопровод в Долину Смерти не проведен.

— И как же быть? — спросил Быков.

— Я заключил договор с рейнджерами заповедника. Они проедут по нашему маршруту и оставят пять закладок воды, снабдив их метками. Они же встретят нас в конце шестого дня, чтобы отвезти в мотель.

— Как-то не совсем честно получается.

— Честно? — усмехнулся Алекс. — Но других способов пересечь эту пустыню попросту не существует. Ты же не

станешь требовать, чтобы тебя сбрасывали с самолета без парашюта, верно? А когда ныряешь на глубину, то надеваешь баллоны с кислородом. Так и здесь, Дима. Честность здесь ни при чем. Это вопрос выживания.

Быкову однажды довелось совершить переход по африканской пустыне, и он напомнил об этом. Алекс покачал головой, невесело усмехаясь:

— Это не одно и то же, мой друг. Долина Смерти находится на километровой высоте. Это делает ее особенной. Это не Сахара. Это нечто особенное.

— Но ты бывал в Долине раньше, верно? — спросил Быков.

— Да, — не стал скрывать Алекс. — Мне было двадцать тогда. На второй день я испугался и повернул обратно. Чудом выбрался. Нашел брошенный «Виллис» с канистрой воды. Это был почти кипяток, и железо обжигало губы, но я все равно пил. До сих пор помню вкус той воды.

— И поэтому решил вернуться? Чтобы доказать себе...

— Нет, — перебил Алекс. — Мне нет необходимости доказывать что-либо себе или кому-нибудь другому. Но все начатое должно быть закончено. Назови это кармой, назови судьбой или дхармой, все равно. Каждое дело требует завершения. Не в этой жизни, так в следующей. Так что лучше не откладывать на потом.

— Интересная у тебя философия, — отметил Быков.

— Я не философ, а практик, Дима. И очень скоро ты убедишься в этом.

В этом Алекс не обманул. Не доехав пятнадцати километров до входа в Долину Смерти, они разбили лагерь и приступили к тренировкам. С началом полуденного зноя товарищи выходили на открытое пространство и проводили там сначала час, потом два и так далее, доводя время адаптации до шестичасового периода на солнцепеке. Потом, вернувшись в спасительную тень лагеря и залившись водой по самые ноздри, Быков не переставал удивляться тому, что снова выдержал, не растаял и не расплавился на солнце.

Лишние килограммы ушли как по волшебству. Друзья загорели и высохли, сделавшись похожими на бедуинов. Оба отпустили бороды и позабыли о существовании расчесок. Зеркала у них не было, но Быков знал, что наконец привел себя в ту физическую форму, которую было не стыдно иметь мужчине его сложения и возраста.

Когда настал первый день похода, он был уверен, что с честью выдержит испытание. Фотоаппарат был взят только один, чтобы не тащить лишний груз. Вещей и без того хватало. Ведь путешественникам предстояло противостоять не только несусветной жаре, но и холоду, ожидавшему их по ночам среди камней и скал.

Рейнджеры уехали вперед, пожелав друзьям удачи.

— Будет плохо, звоните, — сказали они, забираясь в свой вездеход, оснащенный сверхмощными кондиционерами, крейсерской навигационной системой и сверхпроходимостью танка.

— Нет, — возразил Алекс, вручая им мобильники. — Эксперимент будет чистым.

— Тогда просто зовите мамочек, — хмыкнули американцы. — При условии, что у них есть вертолеты.

Ничего не придумав в качестве ответной шутки, товарищи подождали, пока осядет пыль за кормой джипа, и двинулись вперед. После полуторачасового перехода они очутились у входа в каньон. Во рту у Быкова будто костер развели, а ноги отяжелели так, будто жаронепроницаемые кроссовки были отлиты из свинца. Около часа они брели между отвесными каменными стенами, все выше уходящими к небу. К сожалению, на дне лежала не только тень, но и множество валунов, через которые приходилось перебираться, расходуя в два раза больше сил и пота, чем при обычной ходьбе.

Приходилось непрерывно вливать в себя горячую воду, но она тотчас испарялась из организма, и кожа вновь становилась сухой, как камни под ногами. Дважды на пути попадались довольно высокие хребты, вынуждавшие путников демонстрировать способности альпинистов. Потом каньон

резко повернул вправо и вывел их к каким-то развалинам, вокруг которых белели черепа людей и животных.

— Это заброшенная шахта, — хрипло пояснил Алекс. — Когда-то здесь добывали золото.

— Где же они брали воду? — спросил Быков, промочив глотку тремя большими глотками из бутылки.

— Сначала золотоискателям пришлось вырыть колодец.

— Они что, суперменами были?

— Тот, кто одержим какой-то идеей, обретает сверхчеловеческие способности, — пояснил Алекс.

— Почему же тогда эти храбрецы вымерли? — спросил Быков. — И колодец вырыли, и шахты построили, но где они теперь? Не удивлюсь, если узнаю, что они плохо кончили.

— Плохо, Дима. Иначе и быть не могло. Все дело в выбранной цели. Страсть обогащения дает силы, но очень быстро сжигает.

— А какая конечная цель у тебя, Саша?

— Освобождение, — сказал Алекс.

— От чего?

— От всего, что мешает.

— Расшифруешь? — Несмотря на пересохшую глотку и красные круги перед глазами, Быкову не терпелось узнать, что имеет в виду новый друг.

Но Алекс отрицательно покачал головой:

— Каждый определяет это для себя. Кому-то мешают шумные соседи, кому-то собственные недостатки, а кто-то мечтает о свободе. Все строго индивидуально. Бессмысленно обсуждать.

Если бы не жара, Быков бы, наверное, обиделся. Он привык открывать друзьям душу и ожидал от них того же. Но Александр Брин предпочитал держать дистанцию. «Что ж, его право, — решил Быков. — Я тоже буду отмалчиваться. Прогуляемся на пару по этим каньонам и распрощаемся. Приятельские отношения — это еще не дружба. Так и надо их воспринимать, чтобы потом не разочаровываться».

Дав себе такое обещание, он крепился до самого привала, когда, напившись до изнеможения, они приступили к скудному ужину, состоящему из галет и вяленого мяса, высушенного до такой степени, что оно уже не могло испортиться на солнце. Десерт состоял из сухофруктов, орехов и изюма.

— Здесь тоже были золотоискатели? — спросил Быков, поглядывая на дощатый остов, под навесом которого им предстояло провести ночь.

— Это фургон, — сказал Алекс. — Видишь, колесо из песка торчит? Тут ехали переселенцы. Скорее всего, у них передохли лошади. А может, индейцы всех перебили.

— Больше ста лет прошло, а брезент сохранился.

— Это парусина. Просмоленная.

Он все знал, этот специалист по выживанию в экстремальных условиях. Но это не давало ему права задирать свой массивный ацтекский нос! Быков решил, что пришло время показать, что он тоже не лыком шит и кое-что повидал в этой жизни.

— Знаешь, — заговорил он, — живи я века полтора назад, тоже отправился бы осваивать Дикий Запад. Есть у меня такая, гм, авантюрная жилка.

— Да? — вежливо спросил Алекс.

— Да! — подтвердил Быков, начиная горячиться. — Я и на песчаном острове Фрейзер побывал, это возле Австралии. Мы там с Камиллой буньипа искали, это такой песчаный дьявол. А потом она потерялась в амазонских джунглях, и мне пришлось отправиться туда с Морин...

Минут десять Быков красочно описывал свои похождения, не забыв ни попытку заново открыть копи царя Соломона, ни погружения в районе затонувшей Атлантиды, ни мытарства в Бермудском треугольнике. Выслушав все это с непроницаемым видом, Алекс заметил:

— У тебя было много подруг.

— При чем тут подруги? — Быков раздраженно пожал плечами. — Можно подумать, я бабник какой-то!

— Вот! — кивнул Алекс. — Я именно так и подумал, между прочим.

— Я что, виноват, что мне женщины попадались? Я их спасал, а не соблазнял. Если между нами что-то и было, то я не виноват, что они сами в меня влюблялись. Сердцу, как говорится, не прикажешь.

— Сердцу и приказывать не надо, Дима. В распутстве виноваты другие части тела.

— Ну, знаешь ли!

Окончательно надувшись, Быков отправился спать. Но стоило ему забраться в спальный мешок и немного повернуться, придумывая острые ответы на прозвучавшие уколы, как до его слуха донесся подозрительный шум. Было такое впечатление, что кто-то водил палкой по земле, то приближаясь, то отдаляясь. Когда шорох зазвучал совсем рядом, Быков не выдержал и включил фонарь. К своему ужасу он увидел перед собой тонкогубую рябую морду гремучей змеи, уставившейся на него янтарными пуговицами глаз. Сдержав возглас испуга и отвращения, Быков не придумал ничего лучше, чем забраться в мешок с головой и откатиться в сторону.

Перевалившись через доски, он грузно шлепнулся на землю и охнул от боли в пояснице. Подбежавший Алекс схватил палку, отбросил змею на открытое место и обрушил на нее большой камень.

— Интересно, — желчно произнес Быков, — убийство животных — это грех? Подпортил ты себе карму, Саша.

— А вот и нет, — сказал Алекс. — Я вторично спас тебя от смерти. Мне это зачтется как благодеяние.

— Я ведь грешник, погрязший в прелюбодеяниях.

— Тем более. У тебя будет шанс исправиться.

Если это была шутка, то Быкову она не показалась смешной. Он опять забрался в свой кокон и уснул.

Под утро он продрог, а часа через два скалы снова раскалились, полыхая жаром, словно чудовищные печи. Второй день пути дался Быкову значительно труднее. Его организм был обезвожен и требовал больше жидкости, а ее не хватало.

Нужно было терпеть, экономить воду и идти вперед и вперед, надеясь, что вечером можно будет раскидать камни и найти под ними два десятилитровых баллона, оставленные рейнджерами. А если нет? Если американцы пропустили условленное место по рассеянности или намеренно, сводя с чужаками какие-нибудь свои счеты? При этой мысли Быкову становилось не по себе и он ускорял шаг, торопясь скорее добраться до тайника.

— Полегче, Дима, полегче, — говорил ему Алекс. — Не будет никакой пользы, если ты выложишься за два часа, а потом будешь ползти, вывалив язык. Силы надо расходовать экономно, это раз. А еще их нужно применять точно по назначению. Мы часто вкладываем слишком много энергии в пустяки. Большая часть ее используется, мягко говоря, неэффективно.

— Вот и не трать энергию на разговоры, — посоветовал Быков, мстя за вчерашнее.

— Хорошо, — согласился Алекс. — Ты прав, Дима.

Его миролюбие не было напускным. Он просто избегал ссор и конфликтов. Но при этом не любил кривить душой и предпочитал говорить правду, не прибегая к маскировочной завесе туманных фраз. Это подкупало. Быков решил, что не будет больше дуться на спутника. Но разговаривать не хотелось. Они шли молча, лишь изредка указывая на какое-нибудь необычное явление: причудливое переплетение трещин на каменной стене, необычно окрашенный утес или ящерицу, пробежавшую с поднятым хвостом, чтобы не обжечь его о раскаленный песок.

— Ноги горят, сил нет, — пожаловался Быков под вечер.

— Сколько ты носков надел? — спросил Алекс.

— Две пары.

— А я говорил сколько?

— Ну, четыре.

— Ну так и не жалуйся.

Пройдя несколько шагов Алекс велел Быкову сесть и разуться в тени позолоченной закатом скалы.

— Это могло плохо закончиться, — бесстрастно сказал он, поливая красные, словно вареные, ступни товарища остатками воды из баклажки. — Мы чуть не погибли из-за твоей неисполнительности, Дима. Еще немного, и твои ступни покрылись бы ожогами. Это верная смерть. Еще и рейнджерам пришлось бы за нас отвечать.

— Почему за «нас»? — не понял Быков. — У тебя-то с ногами все в порядке.

Алекс поднял на него взгляд:

— Ты думаешь, я бросил бы тебя?

— Нет, но...

Быков смешался.

— Нет, — кивнул Алекс. — А это значит, что я взвалил бы тебя на закорки и нес, сколько хватит сил. И далеко бы мы так ушли?

— Извини, Саша. Теперь буду умнее.

— Отлично. Ошибки не страшны и даже полезны, когда из них делаются правильные выводы. Я, кстати, тоже сделал ошибку.

«Сейчас скажет, что напрасно взял меня в поход», — подумал Быков.

— Какую? — спросил он.

— Не предупредил, чтобы ты старался не наступать на белые пятна, Дима. Это соль. Здесь она такая едкая, что самую прочную подошву разъедает моментально. Эти испарения и обожгли тебе пятки.

— Ничего, терпимо. — Тут Быков спохватился. — Постой, постой! Ты же всю свою воду на меня израсходовал. А у меня глотка три осталось, не больше.

— Поделится, — подмигнул Алекс. — Осталось километра полтора. Дойдем.

Они дошли и долго пили, восстанавливая баланс. На ночь Быков смазал пятки кремом, а утром натянул на ноги четыре пары носков. И все же третий переход дался ему еще тяжелее, чем предыдущий. Он плохо помнил, как забрался на скалистый холм, где их ждал вожделенный водопой. Лишь

утолив жажду, Быков по достоинству оценил красоту скал, пламенеющих вместе с садящимся солнцем.

— Погляди туда, — предложил Алекс. — Это пересохшее соляное озеро, видишь? Говорят, что положение камней на нем постоянно меняется. Если запомнить, как они лежат вечером, то утром увидишь совсем другую картину.

Быков не поверил и сфотографировал пейзаж. Утром его ожидал сюрприз. Все камни оказались на других местах, иногда за метр или два от прежнего расположения.

— Каким образом они передвинулись? — не поверил глазам Быков. — Может, это ветер их перекачивает?

— Ты ощущал ночью ветер? — спросил Алекс.

— Ночью я спал без задних ног.

— И не заметил урагана, способного катить валуны размером с машину?

— Тогда в чем причина? — не успокаивался Быков.

— В нашем невежестве, я думаю, — сказал Алекс. — Мы мало что знаем об истинной природе вещей. Привыкли считать камни неживыми, и не желаем признавать, что ошибались.

— Дух противоречия призывает меня спорить, но я не буду. Поберегу энергию, как ты советовал. Далеко нам сегодня идти?

— Как обычно. — Алекс пожал плечами. — Все те же тридцать с лишним километров. Видишь те две высокие скалы, похожие на развилку сухого дерева? Ночлег под ними.

— Но туда не больше пяти километров! — воскликнул Быков.

— Это по прямой, Дима. По прямой не получится. Придется спуститься в каньон, пройти по нему до конца, а потом совершить подъем.

Объясняя все это, Алекс ни разу не сверился с картой, настолько хорошо он запомнил все детали местности. Подумав о его фотографической памяти, Быков спохватился, что сделал всего несколько не слишком удачных снимков, ленись брать фотоаппарат в руки. В качестве компенсации

СОДЕРЖАНИЕ

Острые ощущения	5
Испытание на прочность	13
Пекло, олл инклюзив	23
Бригантина поднимает паруса	34
Расхождение углов треугольника	44
Морской призрак	53
Великолепная семерка	65
В свободном поиске	74
Свистать всех наверх!	84
Охотники за удачей	97
Призрачно все!	112
В тесноте и в обиде	123
Пиратское счастье	136
Спасайся, кто может!	148
Нам бы, нам бы, нам бы всем на дно!	159
Скованные холодом	172
Дикая, дикая природа	183
Назад дороги нет	194
Кровь на снегу	201
Живые и мертвые	213
Пламя надежды	228

Літературно-художнє видання

ШТОРМ Михайло
Повернення «Летючого голландця»

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. В. Душкевич*
Художній редактор *В. О. Трубчанинов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. Ю. Єрдякова*

Підписано до друку 09.04.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 12,6. Наклад 6000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПрАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
Свідоцтво ДК № 5454 від 14.08.2017 р.
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
Тел./Факс (0456) 39-17-40
E-mail: bc-book@ukr.net; сайт: <http://www.bc-book.com.ua>

Литературно-художественное издание

ШТОРМ Михаил
Возвращение «Летучего голландца»

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. В. Душкевич*
Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*
Технический редактор *В. Г. Євлахов*
Корректор *Л. Ю. Єрдякова*

Подписано в печать 09.04.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнітура «Literaturna». Усл. печ. л. 12,6. Тираж 6000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ЧАО «Белоцерковская книжная фабрика»
Свидетельство ДК № 5454 от 14.08.2017 г.
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
Тел./Факс (0456) 39-17-40
E-mail: bc-book@ukr.net; сайт: <http://www.bc-book.com.ua>

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

У районі мису Доброї Надії орудують сучасні пірати. Їхне судно з'являється нізвідки, як привид, захоплюючи лайнери та яхти мільйонерів. Атаці передуює поява «Летючого голландця». Але ж це не більше ніж давня легенда?..

Фотограф Биков і його друг Алекс Брін у компанії з тележурналістами прибувають до мису Доброї Надії, щоб зазімкувати корабель-привид і розгадати таємницю його походження. Ось тільки для піратів Биков та його команда — як кістка в горлі. Вони починають полювати на подорожуючих. І «Летючий голландець» уже мчить по їхніх слідах...

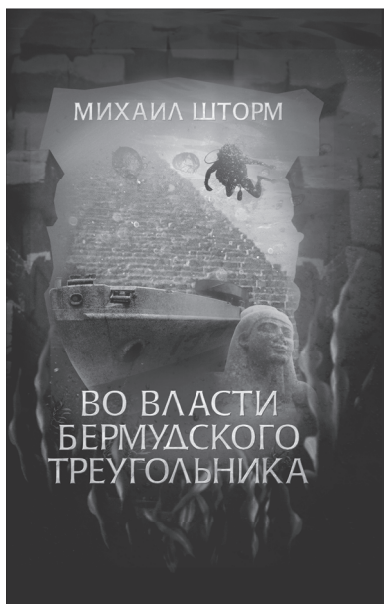
Шторм М.

Ш92 Возвращение «Летучего голландца» : роман / Михаил Шторм. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 240 с.

ISBN 978-617-12-5753-5

В районе мыса Доброй Надежды орудуют современные пираты. Их судно появляется ниоткуда, как призрак, захватывая лайнеры и яхты миллионеров. Атаке предшествует появление «Летучего голландца». Но ведь это не более чем древняя легенда?.. Фотограф Быков и его друг Алекс Брин в компании с тележурналистами прибывают в район мыса Доброй Надежды, чтобы заснять корабль-призрак и разгадать тайну его происхождения. Вот только для пиратов Быков и его команда — как кость в горле. Они начинают охоту на путешественников. И «Летучий голландец» уже мчится по их следам...

УДК 821.161.1(477)

Известному фотографу Дмитрию Быкову поступает заманчивое предложение: морское путешествие по Бермудскому треугольнику. Это честь для любого фотокара — запечатлеть прекрасные и ужасные мгновения одного из самых фатальных мест на земле. На борту яхты «Оушен Глория» Быков знакомится с Лиззи Шеннон. Она не верит в мистику и считает, что аномалии Бермудского треугольника не больше чем выдумка. Но на корабле начинает твориться что-то необъяснимое. Экипаж покидает судно на вертолете, остаются лишь десять смельчаков, среди которых Дмитрий и Лиззи. Очень скоро Быков понимает, что кто-то или что-то держит их в западне...

Экспедиция профессора Заводюка близка к разгадке существования древней Атлантиды, судно «Ветер Фортуны» курсирует возле Азорских островов. Но на корабле случается бунт, да еще и появляется банда «черных археологов», желающих завладеть древними сокровищами. Начинается настоящая война, конкуренты делают все, чтобы избавиться от Заводюка и участников его экспедиции. Шанс поднять со дна стародавние артефакты выпадает подводному фотографу Дмитрию и девушке Алисе. Их ждут схватки и погони, чудовища из морских пучин, смертельные ловушки и подлые враги. Сумеют ли они, пройдя все опасности, раскрыть загадку Атлантиды?

